

Цзюнь-цзе вздохнула:

— Тогда ты... был в другом месте, естественно, не знаешь, что именно произошло, а вернувшись, услышал только наши слова. Но я, Цзюнь-цзе, клянусь тебе, тётя действительно умерла случайно.

Пауза в её словах показалась Шэнь Тинбэю подозрительной.

Он продолжил жалобно, опустив голову:

— А как именно умерла моя крёстная мать?

Цзюнь-цзе остановилась. Они стояли на пути к главному залу, оба молчали.

Красная лента взлетела вверх, ударив Шэнь Тинбэя по плечу.

— Она утонула, — с печальным выражением лица произнесла Цзюнь-цзе. — У тётки в последние годы были проблемы с психикой. В тот день она сказала, что увидела в воде... тебя, а затем бросилась в реку за твоим образом. Ты же знаешь, что она не умела плавать.

Шэнь Тинбэй нахмурился. Почему Цзюнь-цзе снова сделала паузу?

И каждый раз она останавливалась, когда говорила «ты». Может быть, это был не я, а та женщина, которая выглядела точно так же, как я?

Цзюнь-цзе снова пошла, и Шэнь Тинбэй сменил тему:

— Во втором и третьем доме есть близнецы, так почему же только в нашем доме их нет?

— Бам!

У входа в главный зал, услышав вопрос Шэнь Тинбэя, его приёмный отец случайно уронил медный таз, и бумажные деньги рассыпались по полу.

Ветер поднял их, и жёлтые бумажные деньги вместе с красными лентами под крышей закружились в воздухе.

Шэнь Тинбэй поднял глаза и увидел на другом конце коридора ту самую «женщину Шэнь Тинбэя».

Казалось, что люди из семьи Ван её не замечали. Она спокойно улыбалась Шэнь Тинбэю, её белое платье сменилось на алое, а на бледном лице текли две кровавые слёзы.

Шэнь Тинбэй пощупал мурашки на своей руке, сглотнул и повернулся к Цзюнь-цзе:

— У меня есть сестра или старшая сестра?

Цзюнь-цзе не ответила, но его приёмный отец уже поставил медный таз на место, вышел из главного зала и схватил Шэнь Тинбэя за ухо, сильно его закрутив.

Старик действовал настолько быстро, что Шэнь Тинбэй даже не успел среагировать, как грубая рука уже сжала его ухо.

— Чёрт возьми! — Шэнь Тинбэй наклонился, схватил руку старика и сильно сжал её, заставив

того отпустить.

Прикрывая ухо, Шэнь Тинбэй раздражённо сказал:

— Я уже неплохо играю эту роль, зачем ещё и драться?

Старик проигнорировал его слова, снова надулся, упёрся руками в бока и сказал:

— Ты даже не понимаешь, что говоришь! Говорить такое здесь, ты не боишься навлечь несчастье?

Шэнь Тинбэй вздохнул и с раздражением указал на благовония в зале:

— Серьёзно? Вы пробыли здесь несколько дней и не почувствовали, что запах благовоний странный?

Сёстры, охранявшие покой, — Чунь, Ся, Цю и Дун — с недоумением смотрели на Шэнь Тинбэя, а близнецы из третьего дома лишь нервно переглянулись.

Шэнь Тинбэй остановил взгляд на них, задумавшись.

Ван Бай встал, успокоил старика и потянул за рукав Шэнь Тинбэя:

— Ладно, дедушка всё ещё здесь, дядя и младший брат, давайте поменьше говорите.

Старик громко фыркнул, развернулся и зашёл в главный зал. Шэнь Тинбэй, глядя на его поведение, чувствовал и раздражение, и возмущение, повернувшись к женщине, которая всё ещё стояла на другом конце коридора.

Шэнь Тинбэй спокойно смотрел на неё. Её красное платье, как и красные ленты под крышей, развевалось на ветру.

Он видел, как она плакала кровавыми слезами, но при этом уголки её губ поднялись в лёгкой улыбке. Затем её тёмные губы приоткрылись, и она беззвучно произнесла «посмотри на дедушку», после чего исчезла.

Шэнь Тинбэй нахмурился, посмотрел на пустой коридор и зашёл в главный зал.

На этот раз, подготовившись, Шэнь Тинбэй намеренно задержался, зажигая благовония. Старик позади него громко фыркнул, но Шэнь Тинбэй не обращал на это внимания.

И тут он действительно заметил что-то странное.

Цвет на шее его приёмного дедушки казался неестественным, будто что-то скрывало синяк.

«...Разве это не был радостный погребальный обряд?»

Холодный ветер ворвался в зал, и Шэнь Тинбэй почувствовал, как пот на его спине высох.

Он незаметно опустился на колени рядом с приёмным отцом, игнорируя его насмешки, и задумался о том, был ли этот синяк плодом его воображения или же весь этот радостный обряд был обманом.

Но если это обман, то ради чего? Ради репутации семьи в городе на воде?

Шэнь Тинбэй опустил глаза на бумажные деньги, горевшие в медном тазу перед ним.

В воздухе снова начал распространяться густой и тяжёлый запах благовоний. На этот раз Шэнь Тинбэй заранее уколол себя перстнем.

На ладони появилась маленькая красная точка, и боль немного прояснила его сознание.

— Скрип, скрип.

Этот ритмичный звук снова появился.

Шэнь Тинбэй, подражая своему приёмному отцу, медленно прищурился.

Когда из гроба вытянулась сухая рука, сердце Шэнь Тинбэя пропустило удар. Он слушал скрипящие звуки в зале и стук своего сердца, продолжая притворяться сонным.

Когда «человек» в гробу поднялся, Шэнь Тинбэй заметил, что близнецы из третьего дома, сидя на коленях за медным тазом, дрожали, сжигая бумажные деньги.

Оба пристально смотрели на огонь, не поднимая головы, и, казалось, что-то бормотали.

Чтобы лучше наблюдать, Шэнь Тинбэй с грохотом упал на пол. Услышав это, Ван Е даже дрогнула рукой с бумажными деньгами.

— Скрип — скрип.

Шэнь Тинбэй услышал, как рядом с его головой раздались тяжёлые шаги, и через мгновение почувствовал, как кто-то дышит ему в ухо.

Тухлый запах ударил в нос Шэнь Тинбэя. Он спрятал руку в рукаве, крепко сжимая перстень в ладони.

Прошло целую вечность, прежде чем зловоние немного рассеялось.

Шэнь Тинбэй снова смог дышать.

Внезапно сухая рука схватила его за шею и подняла в воздух.

Шэнь Тинбэй болтал ногами, глядя на румяное лицо своего приёмного дедушки, которое исказилось в странной улыбке, держа его в воздухе.

Близнецы из третьего дома всё ещё пристально смотрели на медный таз, их руки продолжали складывать бумажные деньги и бросать их в огонь. Они лишь дрожали, и Шэнь Тинбэй даже слышал, как их зубы стучали.

Его душили всё сильнее, и наконец, Шэнь Тинбэй, стиснув зубы, мысленно извинился, снял перстень с правой руки и вонзил его в руку, сжимавшую его шею.

— Хх — хх...

Шэнь Тинбэй упал на пол. Рука его приёмного дедушки истекала чёрной кровью, он медленно наклонился и приблизил своё бледное, но румяное лицо к Шэнь Тинбэю, уголки его губ поднялись в странной улыбке.

Шэнь Тинбэй, кашляя, прикрыл шею и почувствовал, что рука стала чёрной.

Приёмный дедушка был так близко, что зловоние почти не давало ему дышать.

Человек и зомби замерли в противостоянии, а близнецы из третьего дома оставались неподвижными, будто не видели происходящего, продолжая смотреть на огонь и дрожащими губами сжигать бумажные деньги.

Шэнь Тинбэй понимал, что сейчас может рассчитывать только на себя. Успокоившись, он повернул голову, глубоко вдохнул и прямо посмотрел в пустые чёрные глаза.

Но в этот момент зомби резко протянул руку и схватил Шэнь Тинбэя за шею.

Шэнь Тинбэй уже готовился снова уколоть зомби перстнем, как вдруг услышал, как Ван Бай встал и дрожащим голосом крикнул:

— Он — наш, он свой!

Как только Ван Бай произнёс это, Шэнь Тинбэй почувствовал, как сила на его шее ослабла, и он снова упал на пол.

Зомби, казалось, был недоволен, но ничего не мог сделать. Он размахивал сухой рукой и вышел из зала.

Шэнь Тинбэй вскочил с пола. Почувствовав, что на его шее осталось много чёрной грязи, он быстро собрался бежать за ним.

Но Ван Бай тоже быстро среагировал и схватил его за подол одежды.

Шэнь Тинбэй нахмурился и обернулся к нему.

— Нельзя идти, — дрожа, сказал Ван Бай.

— Либо ты расскажешь, что знаешь, либо отпусти меня, — строго посмотрел на него Шэнь Тинбэй.

Ван Бай закрыл глаза, его лицо исказилось от боли:

— Он ест людей, он ест людей!

<http://bllate.org/book/16305/1470797>